

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 902(571.17):903.5

И.В. Ковтун, И.Д. Русакова

Институт экологии человека СО РАН, Кемерово, Россия

ТУТАЛЬСКАЯ ПИСАНИЦА

Тутальская писаница замыкает каскад наскальных изображений Нижнего Притомья, протянувшись на 47 км от д. Писаной до с. Поломошное Яшкинского района Кемеровской области. К основательному изучению ее плоскостей исследователи обращались трижды: в 1906, 1967 и 2005 гг. Еще ряд рисунков был обнаружен в период с 1991 по 1993 г. Своей уникальностью памятник обязан более нигде не повторяющимся стилистически оригинальным конфигурациям лосиных образов. Зауженные крупы, вытянутые, утонченные шеи и удлиненные грацильные, а зачастую и «клововидные» морды тутальских лосей подразумевали особое смысловое значение данных персонажей. Они соотносятся с «летящими» оленями с «оленных» камней монголо-забайкальского типа и представляются либо предтечей данного стилистического канона, либо его нижнетомской репликой. Ряд лосиных изображений датируется по характерной орнаментации корпуса, одновременно удостоверяющей и смысловое предназначение этих построений, судя по этнографическим параллелям, связанным с особым ритуалом посвящения животного, а в данном случае – заменяющего его изображения. Особое внимание удалено солнцеголовым образам, сочетание которых с лосиными фигурами интерпретировано как символизация мифокалендарных циклов, соотносящихся с митраистскими культурами и ихprotoугорскими соответствиями.

Ключевые слова: Тутальская писаница, Нижнее Притомье, посвященные лоси, солнцеголовые образы, ростральный стиль, геометрический стиль.

DOI: 10.14258/tpai(2013)1(7).-01

Тутальская писаница находится на правом берегу Томи, в Яшкинском районе Кемеровской области, выше с. Поломошное, напротив г. Юрги. Местонахождение памятника приурочено к окончанию скального массива, и ниже по течению реки на томском правобережье подобный ландшафт практически не встречается.

1. История открытия и исследований

Открытие этого местонахождения нижнетомских петроглифов связано с именем Николая Яковлевича Овчинникова (рис. 1–3). В 1967 г. памятник пополнился открытием еще одной уникальной плоскости и получил наименование Тутальской писаницы [Окладников,

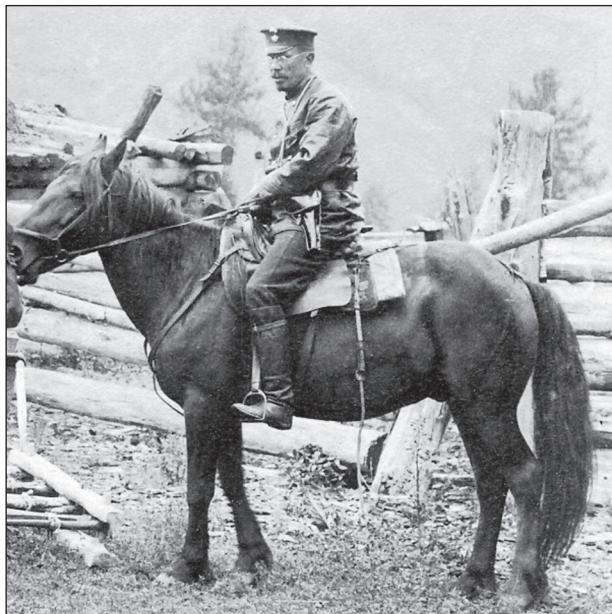

Рис. 1 (фото). Н.Я. Овчинников. Алтай.
Перед выступлением в Кайтанак АГКМ. ОФ 3116

Рис. 2 (фото). Н.Я. Овчинников.
Алтай (пункт неизвестен).
АГКМ. ОФ 3117

С октября 1915 г. его служба проходила в Санкт-Петербурге. По письменным сведениям, датированным ноябрем 1917 г., в тот период Н.Я. Овчинников проживал в Москве [Галкина, 1997, с. 148–155].

Существенным представляется уже отмечавшийся [Окладников, Мартынов, 1972, с. 18] вклад Н.Я. Овчинникова в методику изучения петроглифов Томской писаницы, связанный с фотокопированием ее изображений Е.М. Быковым и последующей прорисовкой изображений по фотографии [Овчинников, 1910, с. 2, 4]. Однако «за кадром» осталось то, что тутальские петроглифы фотографировались Н.Я. Овчинниковым собственноручно [Овчинников, 1910, с. 5]. Обе фотосъемки исследователя являются первыми подобными опытами в отношении памятников наскального искусства Нижнего Притомья.

Небезынтересны и некоторые факты публичного обсуждения этой проблемы в составе известного научного сообщества. 15 января 1907 г. на заседании Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества Н.Я. Овчинников представил доклад «О «писаных» камнях в Томском уезде».

Мартынов, 1972, с. 143]. Но приоритет открытия местонахождений Тутальской писаницы по праву принадлежит производителю землеустроительных работ и коллажскому ассессору, а позднее исполняющему обязанности помощника «Заведывающего Землеустройством Алтайского Округа» (1911 г.), надворному советнику (1910 г.) Н.Я. Овчинникову [Овчинников, 1910, с. 1–4, табл. 1–3; Памятная книжка Томской губернии на 1908 год, 1908, с. 19; Памятная книжка Томской губернии на 1912 год, 1912, с. 44; Галкина, 1997, с. 149].

Н.Я. Овчинников родился 28 апреля 1872 г. в Барнауле в православной семье губернского секретаря Я.Р. Овчинникова. В 1897 г. окончил Казанскую духовную академию, но от карьеры священнослужителя отказался. В ноябре того же года Н.Я. Овчинникова приняли регистратором в статистическое отделение Главного управления Алтайского округа и вскоре назначили статистиком этого учреждения. В марте 1900 г. Н.Я. Овчинников поступает на службу в Канцелярию землеустройства и с этой сферой связана вся его последующая трудовая деятельность.

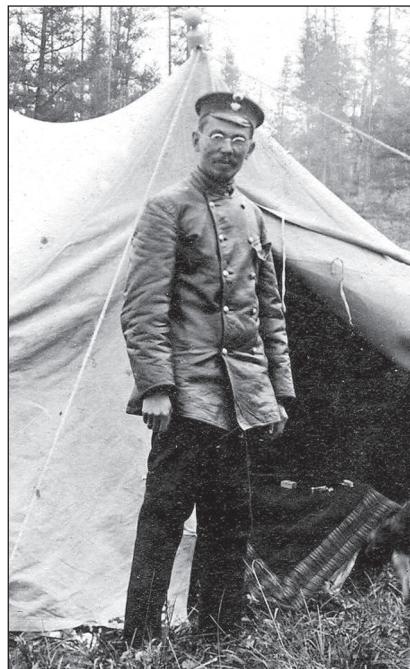

Рис. 3 (фото). Н.Я. Овчинников.
Алтай. Ночлег в верховьях
Чивчигема. АГКМ. ОФ 3119

Коллеги рекомендовали докладчику подготовить данную работу для публикации в очередном выпуске «Алтайского сборника». Позднее было решено на средства организации иллюстрировать статью «воспроизведением рисунков писаницы литографическим способом» [Тишкина, 2010, с. 108]. Таким образом, с именем Н.Я. Овчинникова, вероятно, связан еще и первый в историографии петроглифов Нижнего Притомья публичный научный доклад о наскальных изображениях на Томи.

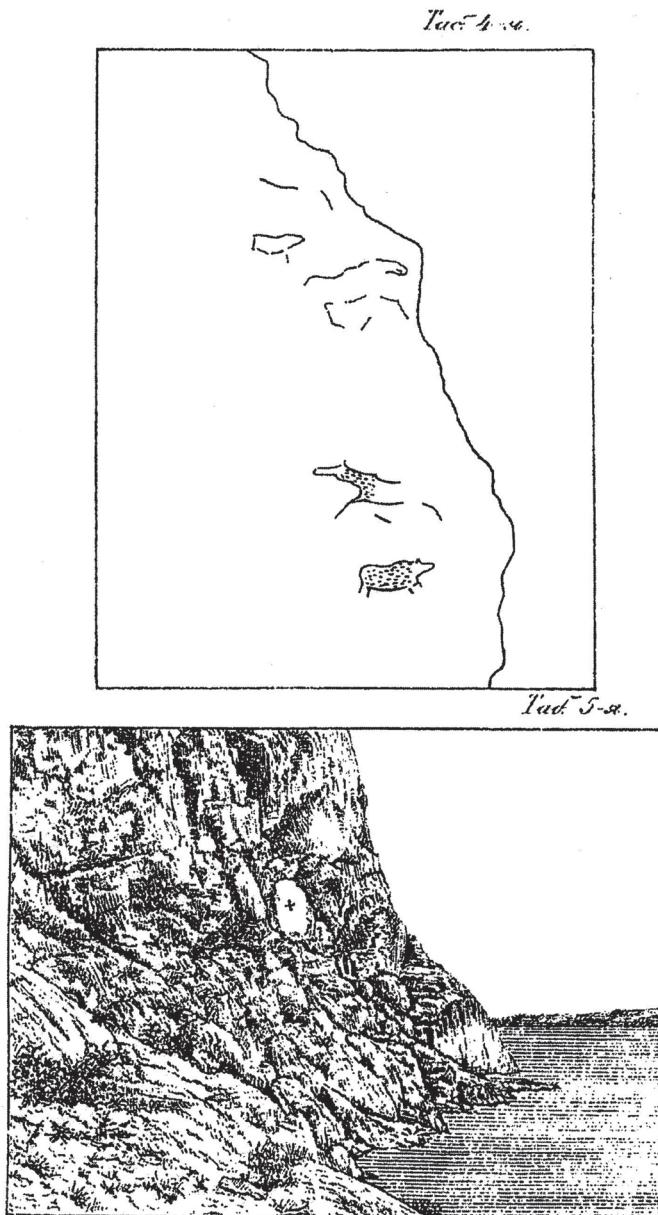

Рис. 4. Тутальская писаница. Плоскость с рисунками, найденными Н.Я. Овчинниковым в 1906 г.

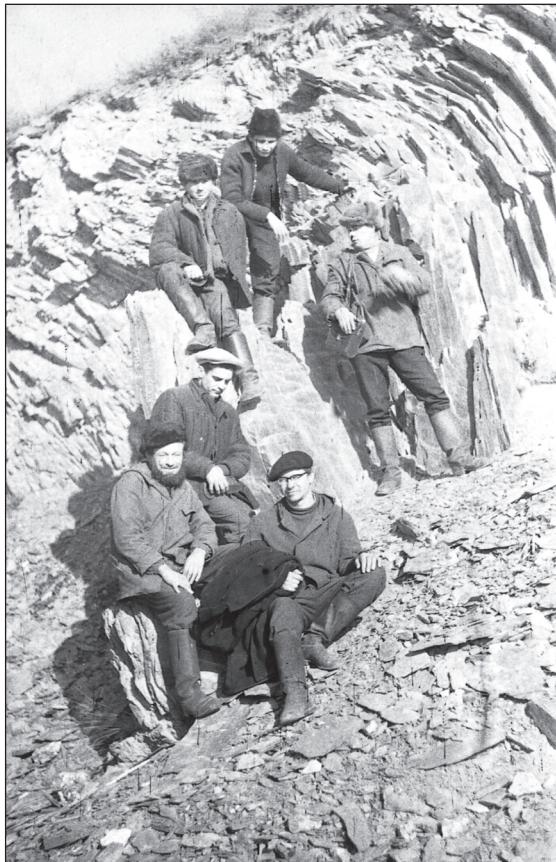

Рис. 5 (фото). Экспедиция к Тутальской писанице 1967 г.

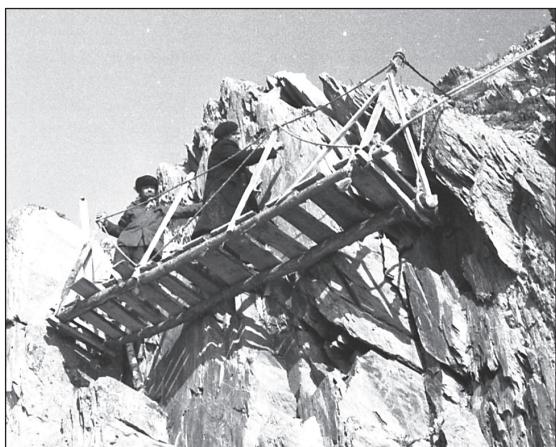

Рис. 6 (фото). Экспедиция к Тутальской писанице 1967 г. Приспособление для копирования петроглифов

Как и многие петроглифы, тутальские рисунки были обнаружены случайно. Обследуя скалы в районе села Поломошного на предмет птичих гнезд, Н.Я. Овчинников обратил внимание на гладкую каменную плоскость со следами выбивки: «Задумав добыть несколько гнезд, я стал карабкаться на камни. При этом я среди камней и скал увидел гладкую поверхность, на которой уже издали можно было заметить штрихи, напоминающие «писаные» камни. Приблизившись к гладкому отвесу, я убедился, что здесь были изображения, очень похожие на описанные выше» (*изображения Томской писаницы. – Прим. авт.*) [Овчинников, 1910, с. 5]. Н.Я. Овчинников разглядел не все рисунки: «На всей плоскости сделаны 5 изображений, – 3 лося и 2 медведя. Лучше других сохранились 2 нижних рисунка, от других же имеются только остатки» [Овчинников, 1910, с. 5] (рис. 4). На самом деле изображений на плоскости было больше, и до настоящего времени сохранились восемь рисунков. Часть изображений была утрачена уже в начале XX в. Это видно по схематичной прорисовке с фотографии, которую сделал Н.Я. Овчинников. Так, современной выбивкой уничтожена часть изображения, принятого Н.Я. Овчинниковым за медведя.

По следам Н.Я. Овчинникова в 1967 г. прошли сотрудники кафедры археологии КемГУ во главе с А.И. Мартыновым (рис. 5). Они скопировали «овчинниковскую» плоскость на прозрачную бумагу и сделали ее прорисовку, опубликованную в 1972 г. [Окладников, Мартынов, 1972, с. 161]. Ими была обнаружена еще одна плоскость с многофигурной композицией на вертикальной плоскости, расположенной на значительной вы-

соте и недоступной без специального снаряжения. Поэтому для копирования рисунков использовалось приспособление наподобие строительной люльки (табл. 6). Прорисовка плоскости опубликована также в 1972 г. [Окладников, Мартынов, 1972, с. 145–160].

Полевые исследования Тутальской писаницы проводились в 1991–1993 гг. Были обнаружены еще пять ранее неизвестных плоскостей с петроглифами (рис. 7–14) [Ковтун, 1993, с. 15, рис. 64; Русакова, Баринова, 1997, с. 64–77].

Летом 2005 г. петроглифическим отрядом лаборатории археологии Института экологии человека СО РАН в составе И.В. Ковтуна, И.Д. Русаковой, А.Н. Мухаревой и Н.Г. Самойловой был сделан микалентный эстампаж самой труднодоступной плоскости Тутальской писаницы [Ковтун, Русакова, 2005, с. 352–354; Ковтун, Русакова, Миклашевич, 2005, с. 355–358]. Это позволило выполнить более точную прорисовку и определить изменения, произошедшие с рисунками с 1967 г., т.е. за тридцать восемь лет. Там же на значительной высоте Н.Г. Самойлова нашла еще одну небольшую плоскость с петроглифами (рис. 8).

2. Описание изображений

Сегодня на Тутальской писанице известны восемь плоскостей, находящихся на значительном удалении друг от друга. Плоскости с рисунками располагаются на торцевых выходах сланцевого песчаника, слагающего прибрежные скалы Томи. Все они экспонированы в сторону реки.

Плоскость 1. Труднодоступная плоскость крупных размеров. Размер по самой длинной стороне составляет около 4,5 м, ширина – около 1,6 м (рис. 7).

На плоскости сохранились фрагменты двадцати изображений лосей и изображение антропоморфного существа. Все фигуры выполнены в технике мелкоточечной вышивки. Нумерация изображений – сверху вниз, слева направо.

Фиг. 1. Передняя часть туловища лося с характерным горбом, повернутая вправо. Голова показана силуэтом, в технике контуррельефа: не сколота скальная корка в районе глаза и верхней губы. Показана так называемая «серъга». Туловище передано контуром, на шее видны остатки четырех поперечных линий. Их пересекает линия, отходящая от головы и заканчивающаяся ромбовидной фигурой, вероятно, изображающей сердце животного. Передние ноги, сохранившиеся практически полностью, согнуты в коленях.

Фиг. 2. Почти полностью сохранившаяся фигура лося, обращенная вправо. Выполнена в той же манере, что и фигура 1. Голова – силуэт, показана «серъга». Туловище – контур. На шее видны пять поперечных линий, которые пересекаются линией с «сердцем». На одной из передних ног хорошо заметно раздвоенное «копыто».

Фиг. 3. Голова лося с раскрытым ртом, направленная влево. Контур. Перекрывается фигурой 2.

Фиг. 4. Голова лося, обращенная вправо. Контур.

Фиг. 5. Голова лося (?), обращенная вправо. Силуэт.

Фиг. 6. Передняя часть туловища лося, обращенного вправо. Контур. Голова отделена от туловища выбитой линией, показана «серъга». На одной ноге видно раздвоенное «копыто».

Фиг. 7. Туловище лося с характерным горбом, обращенного вправо. Ноги утрачены. Голова – силуэт, глаз показан в технике контуррельефа, выбита «серъга». Туловище – контур.

Рис. 7. Тутальская писаница. Плоскость 1

Фиг. 8. Поврежденное естественными сколами изображение лося, обращенного вправо. Утрачена часть головы, передняя часть туловища. Изображение силуэтное. Глаз показан в технике контурельефа. Шея, по всей вероятности, была выполнена контуром, сохранилась часть поперечной линии. На ногах хорошо видны раздвоенные копыта.

Фиг. 9. Остатки изображения лося (?). Сохранились часть туловища с выраженным горбом, одна передняя и одна задняя ноги. Контур. На задней ноге видно раздвоенное копыто.

Фиг. 10. Лось, обращенный вправо. Изображение сохранилось практически полностью. Утрачена передняя часть головы и небольшие фрагменты ног. Туловище показано контурно, голова – силуэтно. На месте глаза скальная корка не снята. Показана «серьга». Хорошо выражен горб на спине. Одна передняя и одна задняя ноги перекрещены.

Фиг. 11. Лось, обращенный вправо. Ноги сохранились частично. На одной из передних ног видно раздвоенное «копыто». Голова показана силуэтом, в технике контурельефа, туловище – контуром. На задней части туловища – тонкие прочерченные линии в виде решетки: пять горизонтальных и четыре наклонных линий. На средней части туловища выбиты две вертикальные прерывистые линии, однако, скорее всего, они не имеют отношения к данному изображению.

Фиг. 12. Антропоморфное существо. Голова и туловище показаны контуром, руки и ноги – силуэтом. Фигура передана в профиль, руки согнуты в локтях, приподняты и разведены в разные стороны. Ноги слегка согнуты в коленях.

Сохранились фрагменты еще нескольких изображений. По всей видимости, это также были лоси.

Фиг. 13. Лось (?), обращенный вправо. Голова фигуры утрачена. Туловище показано контуром. На шее видны пять поперечных линий, которые пересекаются линией с «сердцем» – ромбовидной фигурой. Одна передняя и одна задняя ноги перекрещены. Показан горб на спине.

Фиг. 14. Изображение животного, обращенного вправо. Голова утрачена. Контур. Передняя часть туловища намного массивнее, чем задняя, в отличие от большинства фигур лосей этой плоскости, у которых разница в изображении задней и передней частей не такая существенная. На передней части туловища сохранились остатки нескольких плавно изогнутых линий, направленных от спины к передним ногам животного.

Фиг. 15. Лось, обращенный вправо. Нижние части задних ног утрачены. Туловище – контур, голова показана силуэтом, в технике контурельефа: не сколота скальная корка в районе глаза и верхней губы. Есть «серьга». На шее сохранились четыре поперечных линии, которые пересекаются линией с «сердцем» в виде ромба. Имеется горб на спине. Шея животного вытянута, голова поднята вверх.

Фиг. 16. Фрагментарно сохранившаяся фигура лося, обращенного вправо. Часть туловища и ноги утрачены. Туловище показано контуром, голова – силуэтом, в технике контурельефа.

Фиг. 17. Лось, обращенный вправо. Нижняя часть одной из задних ног утрачена. Туловище показано контуром, голова – силуэтом, в технике контурельефа. Была ли «серьга» – неясно из-за утраты. На шее выбито пять прямых поперечных линий, которые пересекаются линией с «сердцем» в виде овала. Слегка выражен горб на спине.

Фиг. 18. Лось, обращенный вправо. Утрачены передняя часть головы и задняя часть туловища. Туловище показано контурно, голова – силуэтно. Видна «серьга».

Фиг. 19. Задняя часть туловища лося (?). Контур.

Фиг. 20. Лось (?), обращенный вправо. Сохранились шея животного, туловище и частично ноги. Туловище показано контуром. На шее видны остатки двух поперечных линий.

Фиг. 21. Задняя часть туловища лося (?). На сохранившихся задних ногах хорошо видны раздвоенные копыта. Вся поверхность туловища покрыта выбоинами. Однако скальная корка сбита не полностью, что создает впечатление «пятнистости» животного.

Плоскость 2 находится левее и ниже на 1,5 м плоскости 1, размеры 0,3x0,4 м. Также на значительной высоте от линии берега. Недоступна без специального снаряжения. Техника выбивки (рис. 8).

Фиг. 1. Лось, обращенный вправо. Контур. Выделен горб. Туловище – подпрямоугольной формы. В передней части туловища выбиты три поперечные линии. Одна задняя и одна передняя ноги скрещены.

Фиг. 2. Изображение сохранилось фрагментарно. Задняя часть туловища копытного животного, – возможно, лось. Туловище передано контуром. Сохранились задние ноги, раскинутые в беге.

Плоскость 3 находится выше по течению, на расстоянии 577 м от плоскости 1, на значительной высоте от уреза воды. Доступ к плоскости затруднен из-за крутого подъема и сильной осьпи породы. Размеры около 0,5x0,7 м (табл. 9).

Фиг. 1. Изображение лося, обращенного вправо, навстречу течению реки. Силуэт. Скальная корка не сбита на месте глаза, ноздри и в передней части туловища, в районе груди. Возможно, так показано сердце животного. Изображение сильно повреждено вертикальными трещинами и отслоением скальной корки. Задние ноги почти не сохранились, на передних видны раздвоенные «копыта».

Плоскость 4 расположена на том же скальном выходе, что и плоскость 3, на расстоянии 583 м от плоскости 1, выше по течению Томи. Расстояние между плоскостями 3 и 4 составляет около 7 м по прямой.

Плоскость повреждена вертикальными и горизонтальными трещинами и сколами. Размеры около 1x0,6 м (рис. 10).

Фиг. 1. Медведь (?). Сохранились туловище, частично голова, две передние и одна задняя ноги. Силуэт.

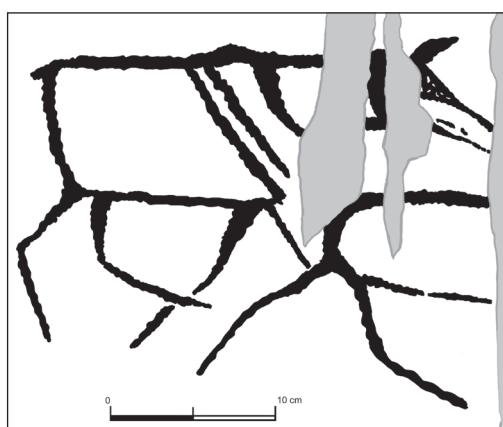

Рис. 8. Тутальская писаница. Плоскость 2

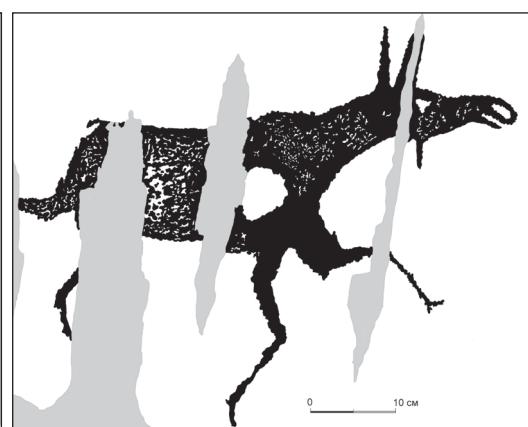

Рис. 9. Тутальская писаница. Плоскость 3

Фиг. 2. Антропоморфное существо. Также сохранилось не полностью. Туловище в форме трапеции обращено меньшим основанием вниз, контур. Голова – силуэт. От головы отходят не менее семи лучей, изображенных редкой выбивкой. Ноги практически не сохранились – одна попала под вертикальную трещину, другую перекрывает изображение лося (фиг. 4), расположенного ниже. Одна рука также «ушла» под трещину, другая изображена в виде дуги. Рисунок производит впечатление стоящего подбоченясь антропоморфного персонажа.

Рис. 10. Тутальская писаница. Плоскость 4

Фиг. 3. Антропоморфное существо. Изображено в той же манере, что и фигура 2: туловище в виде трапеции, обращенной меньшим основанием вниз. В районе груди выбита поперечная линия. Внутри образовавшегося прямоугольника между этой линией и линией плеч выбито небольшое пятно, возможно, изображающее сердце. От головы, переданной силуэтом, отходят четыре-пять (?) сохранившихся лучей. Возможно, их было больше, но из-за утраты утверждать это сложно. Руки разрушены вертикальными трещинами. Ноги сохранились почти полностью, они слегка согнуты и расставлены коленями наружу.

Фиг. 4. Лось, обращенный вправо. Изображение выполнено в технике контурельефа. Не выбитыми остались глаза, ноздри и средняя часть туловища. На туловище выбиты четыре поперечные линии. Изображен горб. Ноги раскинуты в беге. Перекрывает антропоморфное изображение (фиг. 2).

Фиг. 5. Лось, обращенный влево. Контурельеф. Не сколота скальная корка в районе глаза, ноздри и средней части туловища. На туловище сохранились две поперечные линии. В отличие от подавляющего большинства изображений лосей на памятнике, у данного лося показаны только две ноги: передняя и задняя. Они расположены почти параллельно и направлены вперед, создавая впечатление внезапной остановки животного.

Помимо описанных изображений, на плоскости сохранились остатки неопределенных фигур. В верхней части плоскости сохранились две ноги крупного изображения животного, но не копытного, а возможно, собаки или волка. В правой части плоскости – остатки изображения неопределенного животного.

Плоскость 5. Расстояние между плоскостями 1 и 5 составляет около 689 м. Плоскость сильно повреждена естественными сколами и трещинами. Кроме того, на ней с помощью какого-то металлического орудия стесана скальная корка в виде двух прямоугольников. Одним из этих прямоугольников повреждены как минимум два изображения. В конце XX или самом начале XXI в. вся эта плоскость была испещрена желтой краской, нарисованной свастикой и надписью. Работы по очистке петроглифов от краски выполнялись Е.А. Миклашевич, но краска настолько глубоко проникла в камень, что следы нанесенных надписей и свастики хорошо видны до сих пор.

Практически все древние изображения имеют утраты. Описание фигур сверху вниз, слева направо. Техника выбивки и гравировки (рис. 11).

Фиг. 1. Животное неопределенного вида.

Фиг. 2. Копытное животное неопределенного вида с рогами (?). Туловище показано силуэтом, голова – контуром.

Фиг. 3. Незаконченное изображение животного (?)

Фиг. 4. Нижняя часть туловища животного (?). Видна линия живота и три ноги: две задних и одна передняя (?). Изображение контурное.

Фиг. 5. Лось, запечатленный в движении: одна задняя и одна передняя ноги широко раскинуты, другая пара ног практически скрещена под туловищем. Обращен вправо. На одной из задних ног хорошо видна так называемая птичья (трехпалая) лапа. Изображение контурное, на туловище выбиты девять поперечных линий. Голова сохранилась не полностью, на ней видны следы чужеродной выбивки – более крупной по размерам.

Фиг. 6. Лось (?). Обращен вправо. Сохранились только верхняя часть туловища и частично голова. Задняя часть тела и голова выполнены силуэтом, глаз передан контурельефом. Середина туловища – контур. В этой части фигуры выбиты одна продольная и шесть поперечных линий.

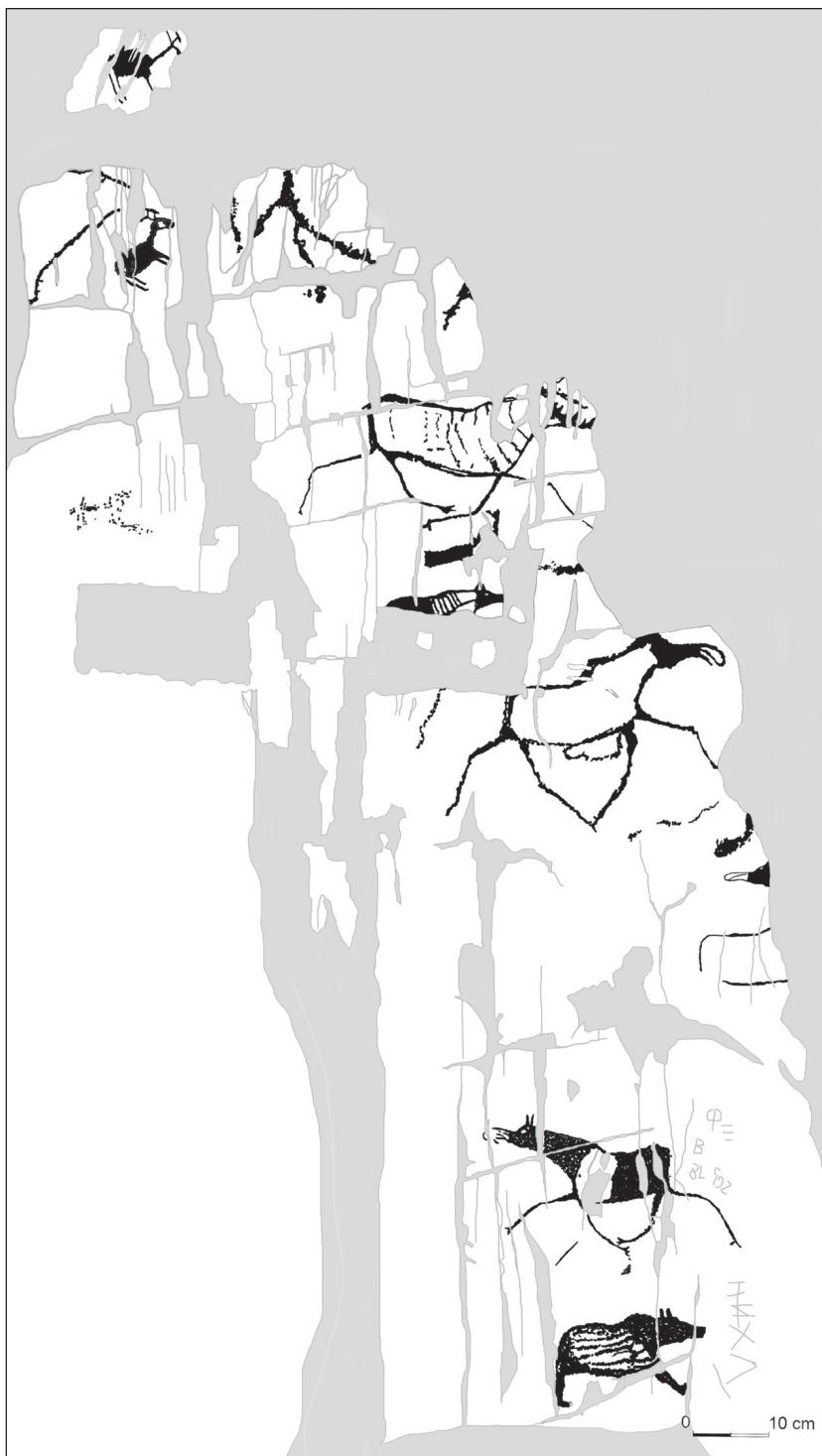

Рис. 11. Тутальская писаница. Плоскость 5

Фиг. 7. Шагающий вправо лось. Верхняя задняя часть туловища и уши утрачены. Голова передана контурельефом: не выбитой осталась верхняя губа животного. Туловище – контур. Четко выделяется горб. Две ноги – задняя и передняя – перекрещены под туловищем. В передней части туловища видны две прочерченные поперечные линии. Под животом выбиты две кривые линии, напоминающие подогнутые под туловище ноги. Не понятно, в какое время они были выбиты и относятся ли они к этой фигуре?

Фиг. 8. Лось, повернувший голову назад. Сохранились только задняя часть туловища и частично голова. Туловище передано контуром, на нем сохранились остатки трех поперечных линий. Голова – силуэт, при этом губы животного – контур.

Фиг. 9. Лось, бегущий влево. Изображение повреждено вертикальными трещинами и сколами. Две ноги – задняя и передняя – широко раскинуты в беге, две другие перекрещиваются под туловищем. На трех ногах хорошо видны двупалые окончания. Задняя и передняя части туловища переданы силуэтом, середина туловища – контуром. В этой части сохранились остатки двух поперечных линий. Голова показана в технике контурельефа.

Фиг. 10. Медведь, обращенный вправо. Изображение повреждено вертикальными трещинами. Задняя и передняя части туловища выбиты силуэтом, средняя часть – контуром. В этой части выбиты шесть продольных линий. Изображены одна задняя и одна передняя ноги. На задней ноге тонкими прочерченными линиями переданы когти животного.

На плоскости имеются фрагменты неопределимых изображений.

Плоскость 6 расположена на расстоянии 755 м от плоскости 1 и в 75 м вверх по течению от предыдущей 5-й плоскости. Находится на скальном выходе, находящемся близко к воде. Видимо, поэтому цвет патины – черный, изображения также покрыты патиной черного цвета. Плоскость испещрена многочисленными трещинами и сколами (рис. 12).

Фиг. 1. Остатки изображения животного (?). Сохранились линия спины (?) и две отходящие от нее линии под углом, близким к прямому.

Фиг. 2. Копытное животное, возможно, лось, обращенный вправо. Изображены четыре ноги, задние ноги сохранились частично. Силуэт. Над спиной животного показаны две линии, напоминающие схематично изображенного «всадника»; в районе головы лося (?) выбито несколько нечитаемых линий.

Фиг. 3. Лось (?), обращенный вправо. Голова животного не сохранилась. Одна из задних ног оканчивается раздвоенным «копытом». Изображение силуэтное, в передней части туловища – два бесформенных пятна, представляющие собой не сбитую скальную корку.

Плоскость 7. Техника выбивки. По сюжету и стилю

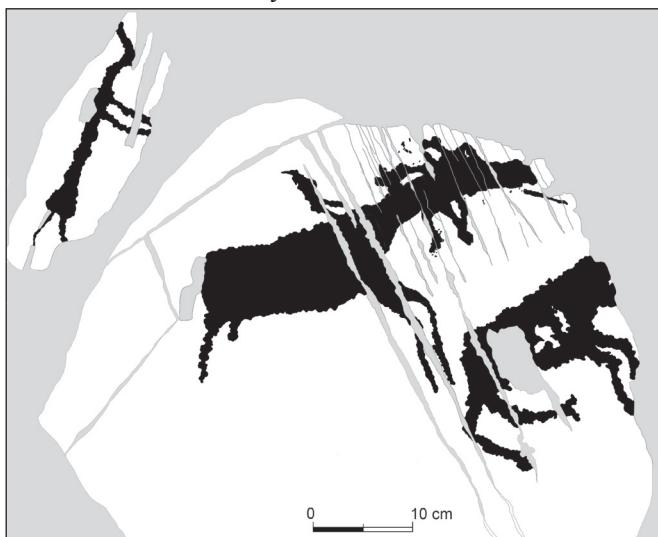

Рис. 12. Тутальская писаница. Плоскость 6

отличается от остальных плоскостей памятника. Зафиксирована в 770 м вверх по течению Томи от плоскости 1, на низко расположенных береговых плоскостях (рис. 13).

Фиг. 1. Копытное (?) животное. Голова утрачена. Изображены две ноги – задняя и передняя. Туловище очерчено широкой контурной линией.

Фиг. 2. Передняя часть туловища копытного животного (?), обращенного влево. Возможно, незаконченное изображение, так как следов утраты задней части нет. Выбивка просто обрывается. Определяются голова, два уха (?) и часть туловища с одной передней ногой.

Фиг. 3. Копытное животное, обращенное вправо. Силуэт. Изображены четыре ноги.

Фиг. 4. Частично сохранившееся изображение животного (?). Возможно, незаконченное изображение. Задняя часть туловища утрачена, а ноги не показаны. Силуэт.

Кроме того, на плоскости сохранилась неопределенная выбивка, идентифицировать которую сейчас не представляется возможным. Одна фигура – в виде овала, прочие фрагменты неопределены.

Плоскость 8 расположена на значительном расстоянии от остальных плоскостей памятника на скальном выходе, сохранившемся среди множества осыпей. От плоскости 1 ее отделяет 2180 м, а от плоскости 7 – 1450 м, вверх по течению Томи. Зафиксирована на удалении 25–30 м от береговой линии на высоте не менее 8–10 м от уровня реки в августе (рис. 14).

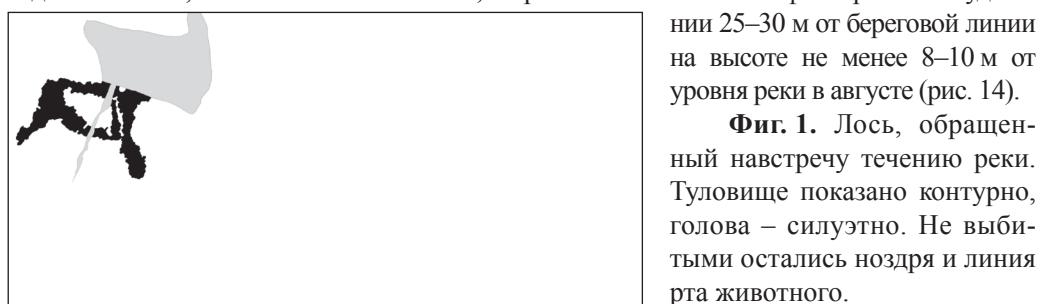

Рис. 13. Тутальская писаница. Плоскость 7

Фиг. 1. Лось, обращенный навстречу течению реки. Туловище показано контурно, голова – силуэтно. Не выбитыми остались ноздри и линия рта животного.

На плоскости сохранились остатки неопределенных линий.

Таким образом, на Тутальской писанице сохранилось сорок шесть изображений на восьми плоскостях.

3. Ростральный стиль

Оригинальные конфигурации тутальских лосей уже выделялись в качестве стилистически значимого (-ых) критерия (-ев) и хронологического индикатора данных изображений [Ковтун, 1993, с. 47, и др.; Ковтун, 2001, с. 52–53]. Зауженные крупы, вытянутые, утонченные шеи и удлиненные грацильные, а зачастую и «клювовидные» морды тутальских лосей еще двадцать лет назад привлекли к

себе внимание одного из авторов настоящей работы. Они соотносятся с «летящими» оленями с «оленными» камней монголо-забайкальского типа и представляются либо предтечей данного стилистического канона, либо эпохальной параллелью – нижнетомской репликой подобной стилизации, подразумевающей не тривиальное содержание лосиных образов.

Но их сходство заключается не в стилистическом тождестве, а в использовании единых принципов изобразительного искажения реального прототипа, отражающего эпохальную тенденцию или так называемый стиль эпохи. Такие выразительные признаки изображений обусловлены не формальной сопоставимостью конфигураций очертаний тутальских лосей и оленей на «оленных» камнях, а смысловым значением данных признаков, передающих особое содержание образа. Ключевое качество этих значений сводится к *идее полета*, в котором пребывают и монголо-забайкальские персонажи, и ряд лосей, запечатленных на Тутальской писанице, не случайно выбитых на труднодоступной высоте скального массива. Поэтому в обоих случаях представлен композитный персонаж, сочетающий черты зверя и птицы.

Истоки такой комбинации видятся в предшествующем «летящим» тутальским лосям образе коня-птицы. Он известен с финала сейминско-турбинского времени, олицетворяемый скульптурной группой джетыгарского копья [Ковтун, 2013, с. 230–236, фото 156]. По мнению одного из авторов, эти древности связаны с распространением в Северо-Западной Азии носителей индоарийских диалектов, взаимодействовавших сproto- или раннеугорскими сообществами [Ковтун, 2012, с. 53–66; 2013]. В обско-угорской этнографии сохранился и инвариантный остаток ведийского сравнения небесных коней с гусями. При этом образ коня, как и на «оленевых» камнях, замещается фигурой оленя. Взаимозаменяемость коня и оленя/лося также берет свое начало с сейминско-турбинской эпохи. Но если для тагарской изобразительной традиции актуален заменивший лося конский образ, то на «оленевых» камнях монголо-забайкальского типа запечатлен «летящий» олень с клювовидной мордой, подобно ведийскому коню, также уподоблявшемуся птице (точнее, ее полету). Реминисценцией подобного уподобления представляется хантыйская традиция дачи оленям клички, связанной с гусем, – «нос гуся». Олени с подобной кличкой имеют на морде характерное белое пятно [Молданова, 2004, с. 95]. Намного раньше, вследствие схожего процесса этнолингвокультурного взаимодействия, появились и «клювовидные» морды тутальских лосей. Поэтому стилистически эти изображения можно именовать *ростральными* (от лат. *rostrum* – клюв, нос).

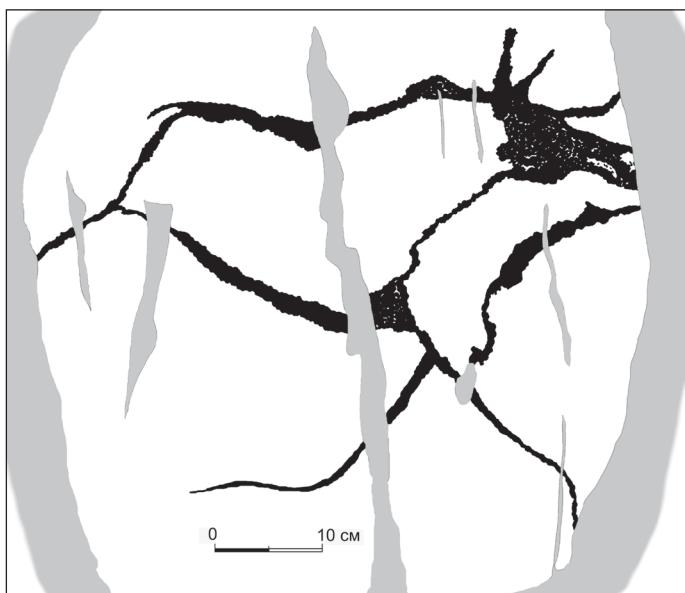

Рис. 14. Тутальская писаница. Плоскость 8

Тутальские изображения составляют крайнюю западную периферию нижнетомских писаниц. Ростральные черты этих петроглифов уникальны и потому удостоверяют их привнесенность внешним культурным импульсом. С этим транскультурным воздействием в период поздней бронзы заимствовалась и отличная система выразительных признаков изображений, преобразовавших иконографическую формулу петроглифов «ангарского» стиля. Вторжение в Нижнее Притомье иной системы изобразительных формул, проявившееся как видоизменение стиля «ангарских» рисунков, в действительности означает их кардинально изменившийся смысл. Появившаяся в индоарийской сейминско-турбинской среде идея «коня-птицы» [Ковтун, 2013, с. 230–236, фото 156] спустя несколько столетий трансформируется в образ «оленя-птицы» на «оленных» камнях поздней бронзы, а в синхронном им тутальском петроглифическом комплексе переосмысливается в облике «лося-птицы» или летящего лося.

4. Посвященные лоси

Особенной чертой тутальской серии нижнетомских петроглифов представляются изображения лосей с орнаментированным туловищем. Очевидны две принципиальные схемы подобного декора, не считая одного характерного исключения (рис. 19): это либо поперечные полосы на передней части корпуса (рис. 8; 10; 11), либо «сюжетные» построения, обычно утилитарно трактуемые как «сердце с аортой» или «желудок с пищеводом» (рис. 15). Последняя схема фигурирует только на одной самой труднодоступной плоскости (рис. 7).

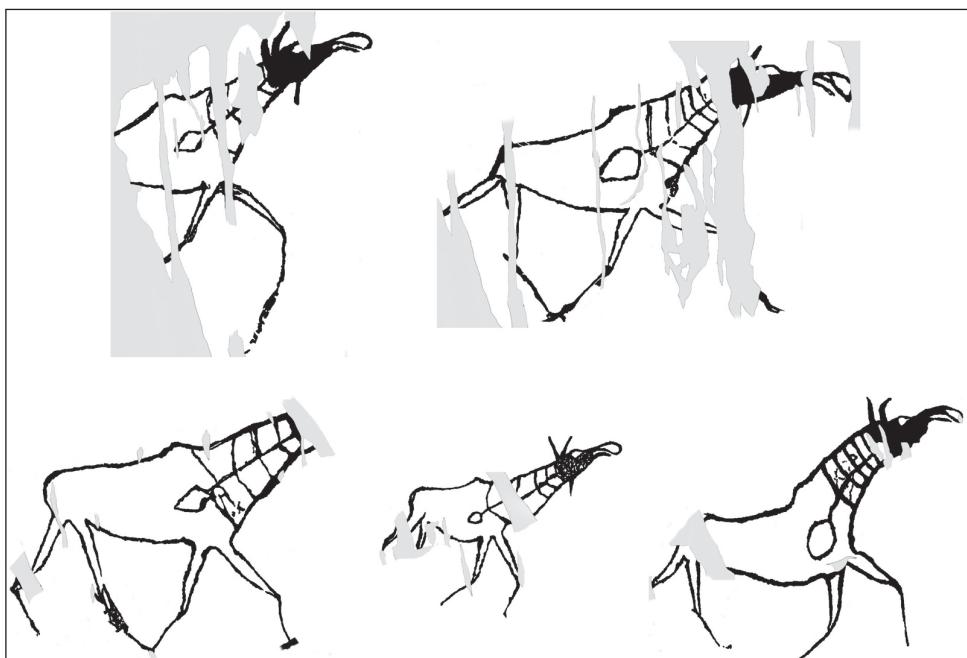

Рис. 15. Тутальская писаница. Посвященные лоси в ростральном стиле

Наряду с другими «кулайскими» чертами, такие орнаментальные построения уже становились поводом для сравнения нижнетомских наскальных изображений с кулайской металломпластикой [Чернецов, 1971, с. 105; Ковтун, 1993, с. 48, рис. 49.-13–14;

Мартынов, Ломтева, 1993, с. 195–201]. Но кулайских древностей в Нижнетомском очаге наскального искусства нет, хотя подобная орнаментация напоминает орнамент лося и следующей за ним лосихи на сосуде с Кижировского городища (рис. 16). Встречаются эти орнаментальные символы и на кулайской металлопластике [Ковтун, 1993, с. 48, рис. 49.-13–14] (рис. 17). Приведенные примеры удостоверяют предельную нижнюю дату таких изображений, не выходящую за рамки эпохи поздней бронзы. На Томской и Новоромановской писаницах также зафиксированы изображения лосей с подобными орнаментальными построениями (рис. 18). Это – стилистически различные петроглифы. Но их принадлежность к поздним вариациям «ангарского» стиля либо сопоставимость абриса изображений с «кулайскими» и тепсейскими конфигурациями также свидетельствуют о сравнительно позднем времени данных рисунков.

Смыслоное значение подобных орнаментальных конструкций соотносимо с этнографическими свидетельствами украшения особых посвящаемых животных и с их мифоритуальной и соционормативной функцией.

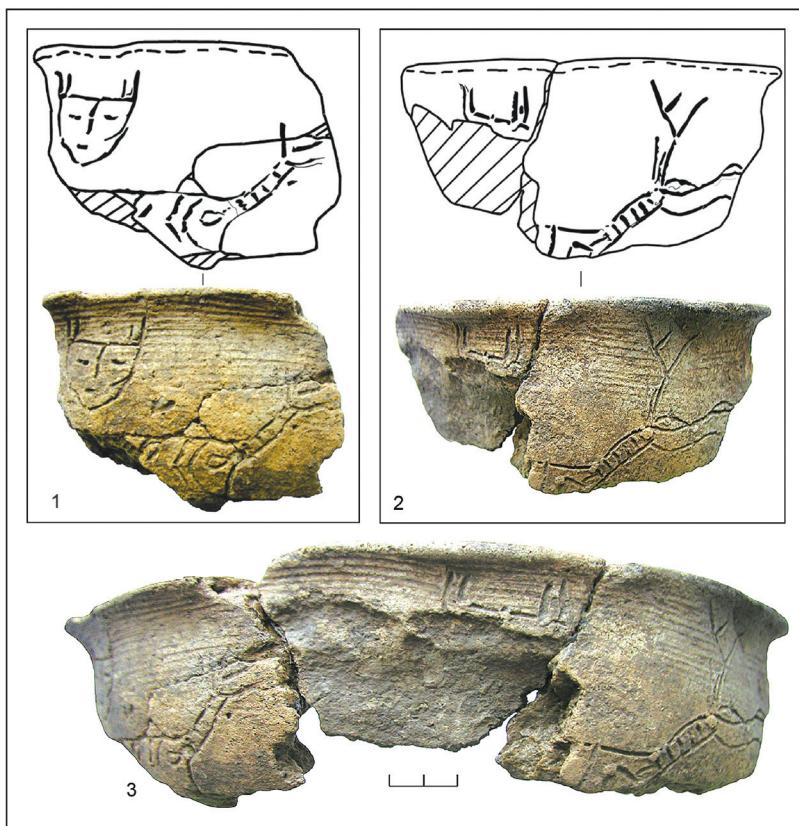

Рис. 16. Лоси в орнаментальной графике раннего железного века.
Кижировское городище (по: [Панкратова, Плетнева, 2012])

У хантов жертвенный олень, предназначенный для Ильта-мувен-ики и других духов, в ритуале, посвященном угасанию солнца и переходу к холодному времени года, отмечен знаком из семи полос [Головнев, 1995, с. 359]. Возможно, образы именно таких

Рис. 17. Лоси в кулайской металлонастике:
1 – Саровское культовое место; 2 – Кривошеинское
культурное место (фото И.В. Ковтуна)

по указанию шамана убивали жертвенного оленя и вешали его шкуру на сэргэ (высокая лиственничная или сосновая жердь, с перекладиной в центре места проведения обряда. – Авт.). Затем шаман подводил посвящаемого оленя к сэргэ, привязывал его к нему, мазал кровью жертвенного оленя, делая полоски вдоль хребта и поперек его, и оставлял оленя привязанным в течение всего камланья» [Василевич, 1957, с. 170, 178]. Далее шаман по сэргэ отправлялся в Верхний мир, где добывал для посвящаемого оленя мухун – часть силы верхнего божества. Мухун «помещался» в легких – в дыхании посвященного оленя – сэвэк. После этого шаман превращался в птицу и отправлялся на поиски души больного соплеменника. Найденная душа помещалась в куколке на выючной суме посвященного оленя – сэвэк, где она пребывала до выздоровления больного [Василевич, 1957, с. 172–174].

Нетрудно заметить параллель между вертикалью Мирового дерева эвенкийского сэргэ и недоступной отвесной скалой с рисунками первой плоскости Тутальской писаницы (рис. 7). Четыре–пять прямых либо стреловидных полос поперек шеи–груди пяти лосей с этой плоскости иллюстрируют идею о находящейся в легких – дыхании зверя, частицы необыкновенной силы божества Верхнего мира (рис. 15). Пересекающая же их и проходящая вдоль центра шеи–груди линия с округлой или сердцевидной фигурой в окончании напоминает о куколке с душой больного, приданной «на сохранение» посвященному животному (рис. 15 и 18).

Здесь же запечатлен и фрагмент самого посвящения. Его изображают два отличные от прочих рисунка. Орнитоморфное изображение с удлиненным «носом–клювом» и при-

лосей, означавших календарный поворот года, передавались рисунками животных с поперечными полосами (рис. 8; 10; 11).

Более содержательными представляются орнаменты, изображающие не только «ребра» лося, но и «сердце с аортой» (рис. 15; 18). Параллели им усматриваются в эвенкийском ритуале посвящения животных. У эвенков имелись олени, посвященные духу–хозяину Верхнего мира, считавшиеся охранителями здоровья членов семьи и благополучия стада. Такой олень назывался «божий олень», или «небесный олень». В его назывании, означавшем в том числе оленя или лося–производителя, сохраняется представление о хозяине Верхнего мира в образе лося или оленя. Посвящение такого оленя осуществлялось согласно церемониалу: «В день камланья

поднятыми подобно крыльям руками на присогнутых в коленях ногах, напоминающих позу ритуального танца, обращено к морде лося. Передняя рука этого «птице-человека» заведена под нижнюю челюсть животного, а нос лося почти соприкасается с плечом композитного персонажа (рис. 19.-1). Одновременность выбивки и содержательное единство мизансцены удостоверяются этими деталями композиции, а смысловое значение происходящего действия сопоставимо с ритуальными манипуляциями эвенкийского шамана в отношении посвящаемого оленя. Как уже отмечалось, шаман посвящал животное, «делая полоски вдоль хребта и поперек его», и именно такие продольно-поперечные полосы запечатлены на крупе тутальского лося (рис. 19.-1).

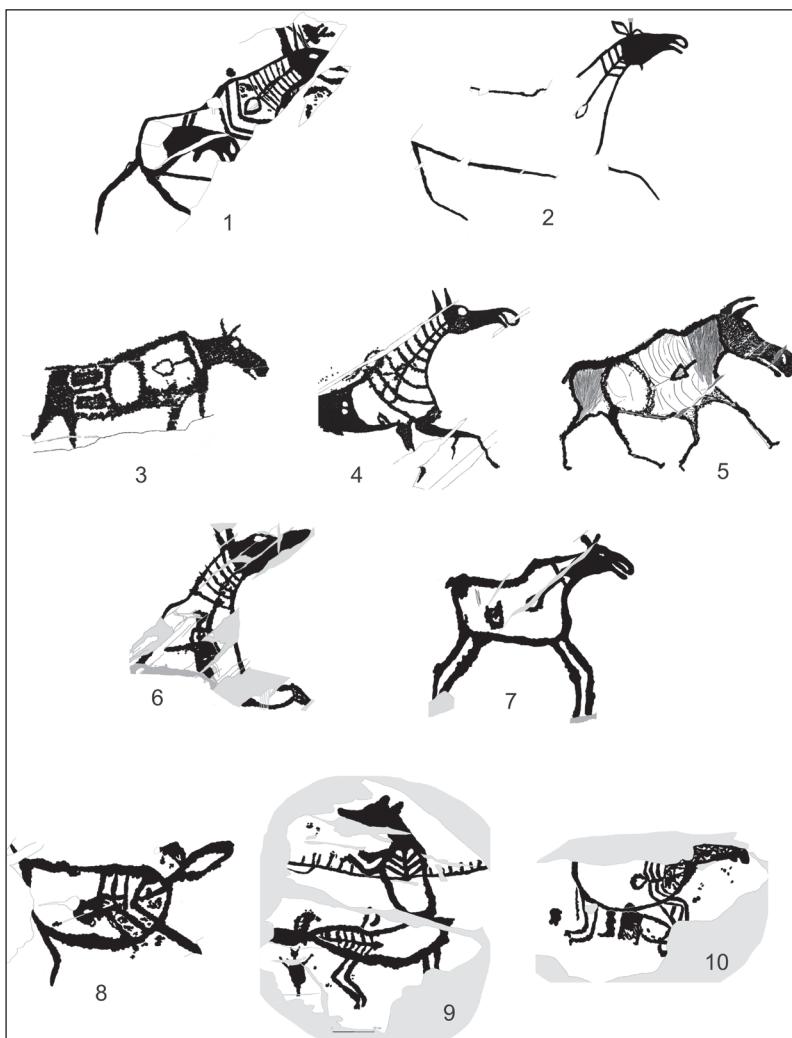

Рис. 18. Посвященные лоси нижнетомских писаниц: 1–7 – Томская писаница (3–5 – прорисовки Е.А. Миклашевич); 8–10 – Новоромановская писаница

Подобная орнаментация вообще уникальна для нижнетомских петроглифов и встречена здесь лишь однажды. Но на Томской писанице фрагментарно сохранилось изобра-

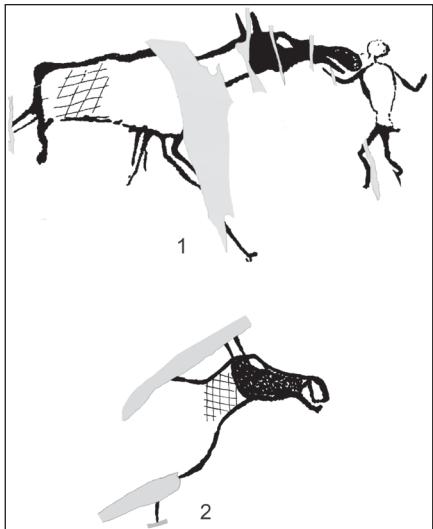

Рис. 19. 1 – Тутальская писаница: сцена посвящения лося шаманом в облике птицы; 2 – Томская писаница: изображение лося, орнаментированное диагональной «сеткой»

имел форму, напоминающую птицу [Анучин, 1914, с. 70, 71]. По сведениям М. Элиаде, у алтайцев шаманский колпак украшали перья золотого орла или коричневой совы, а у тувинцев и тофаларов – совиные перья. У телеутских шаманов известен головной убор из шкуры (чучела) коричневой совы, с крыльями, а иногда и с головой птицы. Ботинок тунгусского (эвенкийского) шамана имитирует птичью лапу, а орнитологический наряд якутского шамана представляет целый скелет птицы, изготовленный из железа, и т.д. [Элиаде, 2000, с. 154]. С.М. Широкогоров отмечал, что шаманский костюм-птица присущ северным баргузинским и нерчинским тунгусам (эвенкам). Он снабжен железными подвесками и бахромой, символизирующими скелет и оперение птицы [Широкогоров, 1919, с. 78–79].

Подобно эвенкийскому посвящаемому оленю, подводившемуся к центральной – Мировой оси ритуала – сэргэ, тутальский шаман-птица с посвящаемым лосем также расположены в самом центре более чем четырехметрового вертикально вытянутого панно с другими лосиными изображениями. Думается, эта тутальская плоскость служила мыслимым воплощением Мирового дерева, Мировой горы или других вариаций подобных представлений (рис. 7). Здесь в ритуальном «центре мироздания» шаман посвящает одного из лосей, а уже получившие особую силу верхнего божества (рис. 19) хранят души больных соплеменников кама. Вероятно, скальное панно пополнялось такими рисунками по мере целительной необходимости в качестве алломорфов реальных животных с подразумеваемой мифоритуальной функцией.

5. Солнцеголовые персонажи

Солнцеголовые образы известны в наскальном искусстве Нижнего Притомья. Сейчас насчитывается не менее четырнадцати таких изображений (рис. 20 и 21).

На Тутальской писанице также встречена композиция с солнцеголовыми персонажами, где «солнцеголовость» одного более очевидна, нежели у другого (рис. 10; 20.-1, 2).

Под этими фигурами выбиты два лося, обращенные в разные стороны, а выше на плоскости отмечены фрагменты трех неопределенных зооморфных изображений (рис. 10). Симптоматичное сочетание солнцеголового персонажа с образом лося обнаруживает небезынтересную параллель в этнографии кетов. На наружной стороне кетского шаманского бубна изображен сам шаман, солнце и луна: «здесь только та особенность, что на голове шамана изображены пять линий и на конце каждой – летящая птица; это – мысли шамана... На правой стороне, под луной, помещено изображение животного – это кај (= лось); так енисейцы называют созвездие Б. Медведицы, по которой ориентируются в пути» [Анучин, 1914, с. 50, 52, рис. 39].

В этой космогонической сцене солнцеголовый шаман, явно уподобляющийся некому высшему божеству Верхнего мира («лучи – птицы»), фигурирует в едином смысловом ряду с астральным объектом, персонифицированным в образе Небесного Лося. Лосиный облик созвездия Большой Медведицы известен в представлениях многих сибирских и несибирских народов [Григоровский, 1882, с. 464–465; Потанин, 1883, с. 778, 779; Гондатти, 1888, с. 54; Анучин, 1914, с. 15; Пежемский, 1936, с. 274; Ошаров, 1936, с. 280, 282; Окладников, 1950, с. 296–299; Анисимов, 1958, с. 68–71; Алексеенко, 1976, с. 84–85; Айхенвальд, Петрухин, Хелимский, 1982, с. 183; Бонгард-Левин, Грантовский, 1983, с. 107; Источники по этнографии Западной Сибири, 1987, с. 29; Мифы, предания, сказки хантов и манси, 1990, с. 66–69, 297; Ромбандеева, 1993, с. 40–41; Иванов, 1994, с. 116; Рыбаков, 1994, с. 54; Топоров, 1994, с. 70; Головнев, 1995, с. 236, 238, 251, 352; Бауло, 2001, с. 81; Петрухин, 2005, с. 347–348; и др.]. Поэтому его сочетание с солнцеголовым божеством или шаманом в образе такого божества может восходить к космогонии создателей тутальской композиции (рис. 10). Единство тутальской сцены удостоверяется компоновкой ее фигур и параллелью на Второй Новоромановской писанице, где солнцеголовый индивид также композиционно и содержательно связан с фигурой лося (см. по: [Ковтун, Русакова, 2008, с. 345, рис. 1–4]). Известны подобные сочетания и на Томской писанице (см. по: [Ковтун, Русакова, Миклашевич, 2005, с. 357, рис. 3]) (рис. 22). Солнцеголовый персонаж тутальской композиции упирается ногами в затылок лося, означая этим содержательную сопричастность обоих образов (рис. 10). Солнцеголовое изображение уже по определению символизировало дневную (утреннюю) половину суток,

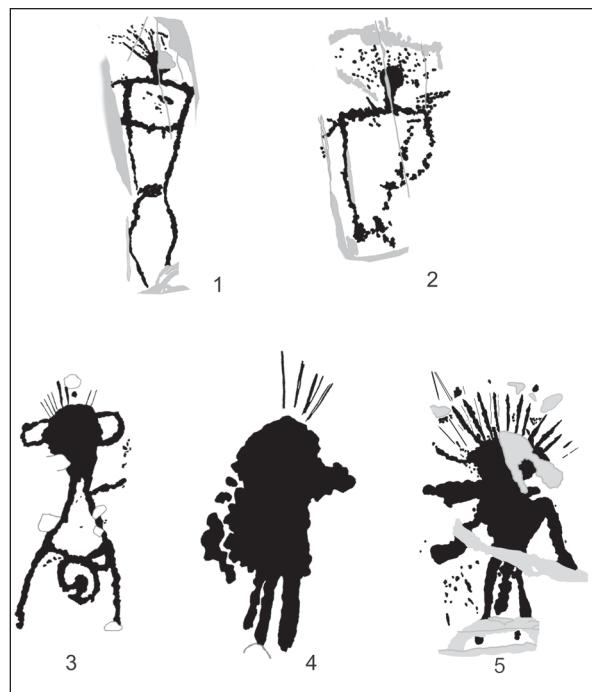

Рис. 20. Солнцеголовые изображения:
1, 2 – Тутальская писаница, плоскость 4;
3, 4 – Новоромановская писаница;
5 – Вторая Новоромановская писаница

а Лось/Лосиха, считавшийся образом Большой Медведицы, – время ночи и сопутствующую ему данную астральную деинфикацию.

Одновременно этой же символикой могли означаться календарные сезоны – теплое и холодное полугодия. С такой трактовкой соотносятся предположения о митраистских верованиях и культурах на территории Северо-Западной и Центральной Азии в эпоху бронзы (например: [Кузьмина, 1994, с. 261; Новоженов, 1994, с. 222; и др.]). С ними ассоциировались и солнцеголовые персонажи.

На исторической авансцене первое письменное упоминание бога Митры связано с заключенным в XIV в. до н.э. хеттско-митаннийским брачным договором, где фигурируют впервые идентифицированные Г. Винклером имена четырех (точнее пяти, так как Ашвины составляют пару) индоарийских божеств: Митра, Варуна, Индра и Насаты [Елизаренкова, 1960, с. 9–10; Дьяконов, 1970, с. 41; Гиоргадзе, 1971, с. 121; Абаев, 1972, с. 31; Гиндин, 1972, с. 285–286, 293–296, 315; Барроу, 1976, с. 31; Чаттерджи, 1977, с. 50, 60; Эрман, 1980, с. 196–197; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 548; Дюмезиль, 1986, с. 17–18; Вильхельм, 1992, с. 98; Кузьмина, 1994, с. 5 (имя «Митра» опущено); Хелимский, 2000, с. 503; Вгуант, 2001, р. 135; Иванов, 2001, с. 29; Lamberg-Karlovsky, 2002, р. 72; Чайлд, 2009, с. 28; и др.].^{*} Датировка серединой II тыс. до н.э. документально зафиксированного появления фигуры Митры допускает изображение подобного божественного персонажа на притомских скалах во 2-й половине II – начале I тыс. до н.э.

Хотя индоиранская этимология имени Митры означала «Бог Договоров», постепенно на значительной территории он превращается в главного Бога Солнца, а солнечный свет приобретает значение для образа этого божества [Иванов, 2009, с. 58]. К образу Митры восходят и истоки многих черт Мир-сусне-хума, заимствованных у иранцев или из восточноиранской среды предками манси до их перемещения в высокие (приполярные) широты [Топоров, 1981, с. 146–149; Топоров, 1994а, с. 156; Гемуев, 1990, с. 190–194; Гемуев, 2001, с. 89–90]. Солнцеголовости его образа у обских угров обязано представление о том, что: «на Оби вскрывается лед, когда Мир-сусне-хум поднимает локоны своих волос» и «солнце стоит в его волосах» [Новикова, 1991, с. 29]. В свою очередь, «сезон лося» и космическая погоня-преследование Небесного Лося/Лосихи в образе Большой Медведицы олицетворяют позднюю осень – зиму. Поэтому тутальский солнцеголовый персонаж, «стоящий» на голове добежавшей до него «зимней» Лосихи, подобно Мир-сусне-хуму, может означать окончание зимнего сезона и начало весны (рис. 10), т.е. переломное время стыка Старого и Нового Года. Примечательно, что подобная тутальской, томским и новоромановской (II) композиционная связка солнцеголового антропоморфа и лося (рис. 22) представлена и на плитах каракольских захоронений. Возможно, к этой связке и восходит образ Мир-сусне-хума как всадника, объезжающего мир на белом коне [Топоров, 1981, с. 147–148].

Но облик и содержание солнцеголовых персонажей, запечатленных на притомских скалах, не сводятся только к указанному сочетанию и реконструируемой персонификации: «Митра» – «Мир-сусне-хум». Судя по различной стилистике таких рисунков (рис. 20 и 21), их создание не укладывается в узкий культурно-хронологический горизонт и предполагает бытование традиции подобных образов на сравнительно продолжительном временном от-

* Библиографический перечень М. Майrhoфера по данной проблематике еще к 1965 г. насчитывал более 700 работ (см.: [Гиндин, 1972, с. 286]); другие авторы, также ссылаясь на М. Майrhoфера, упоминают более 300 работ по переднеазиатским арийцам [Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 76].

резке. Наиболее ранние изображения сопоставимы с проявлениями окуневской изобразительной традиции, и именно такой персонаж сочетается с фигурой лося на Томской писанице (рис. 21.-1).

К близкому времени, вероятно, относится и пара солнцеголовых существ с верхнего фриза данного памятника. Один из персонажей в этой паре сочетает солнцеголовость с орнитоморфными признаками, напоминающими голову цапли с характерно изогнутой шеей и хохолком на затылке. Руки этого «птице-человека», раскинутые подобно птичьим крыльям, удерживают длинные посохообразные предметы. Один из них имеет выраженный наконечник в верхней части, что позволяет видеть в нем копье, а другой – лопаточку на конце, обращенном книзу, присущую посоху для передвижения на лыжах (рис. 21.-2). Такая же амуниция входила в состав экипировки кетского шамана: копье и посох для ходьбы на лыжах [Анучин, 1914, с. 79]. Возможно, посредством данной атрибутики шаман уподоблялся некому божеству или культурному герою, изображеному и на Томской писанице. Или же изображение пляшущего шамана в птичьем головном уборе-маске воспроизвело значимые действия солнцептицеголового героя или божества (рис. 21.-2).

Перевоплощение в птицу присуще солнцеголовому Мир-сусне-хуму. В обско-угорской мифологии (особенно у манси) самым популярным и почитаемым из птичьих обликов Мир-сусне-хума является его «гусиная» ипостась – «Гусь-богатырь». Гусыней иногда представлялась и его мать Калтащ-эква [Гемуев, 1990, с. 49, 183; Полосьмақ, Шумакова, 1991, с. 42; Головнев, 1995, с. 353]. Способностью принимать вид гуся Мир-сусне-хум пользуется для спасения своей жизни при распрях с братьями и богатырями [Гондатти, 1888, с. 18; Айхенвальд, Петрухин, Хелимский, 1982, с. 181]. Иногда он вступает в смертельный поединок со своим божественным отцом, но, приняв облик гусенка, обретает неуязвимость, выступая затем покровителем и защитником людей. Он спасает человечество от потопа, посланного его отцом, вставив «между обеими землями, между верхним небом и землей, толстостенное корыто. В нем и собралась вода чудовищного потопа»

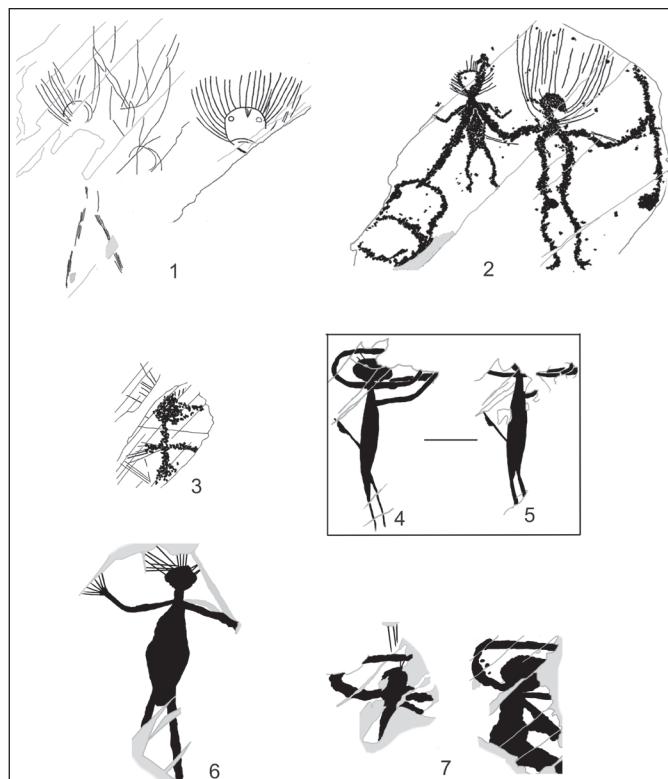

Рис. 21. Солнцеголовые изображения: 1–3 – Томская писаница (прорисовки Е.А. Миклашевич); 4 – Томская писаница, прорисовка с фотографии В.В. Сапожникова начала XX в.; 5–7 – Томская писаница, прорисовки 2012 г.

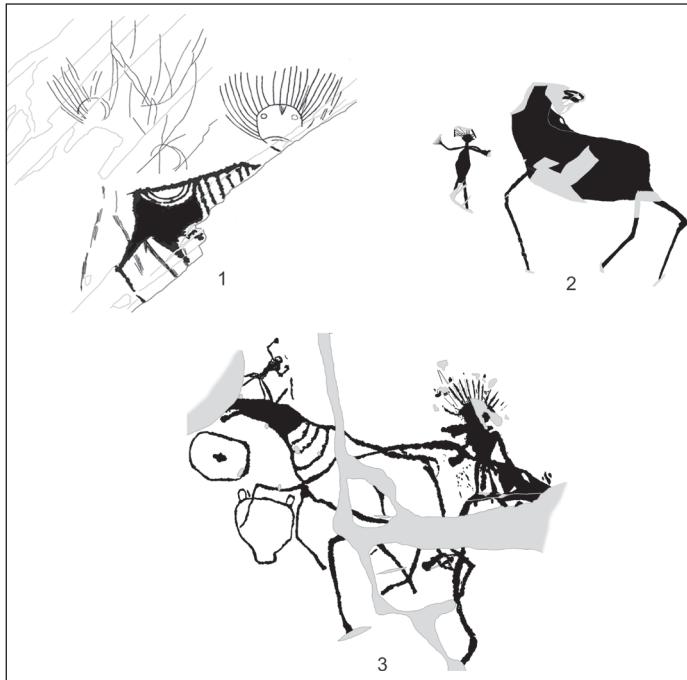

Рис. 22. Сочетание солнцеголовых персонажей с образом лося: 1, 2 – Томская писаница; 3 – Вторая Новоромановская писаница

[Мифы, предания, сказки хантов и манси, 1990, с. 70–73]. Здесь угадывается переосмыщенная вариация ведийского представления о «небесной бадье» (см. например: [Кейпер, 1986, с. 156–162]). Возможно, на подобную «бадью-корыто» и опирается копье солнце-птицеголового субъекта, изображенного на верхнем фризе Томской писаницы (рис. 21.-2). Ключевым же смысловым индикатором этого образа представляется комбинация головы перелетной птицы с венчающим ее нимбом солнечных лучей. Солнцеголовое божество с головой серой цапли представлялось календарным символом, означавшим поворот-

ные вехи годового цикла, совпадавшие с сезонными перелетами этих птиц. Поэтому смысловое значение сочетания солнце- и птицеголовости персонажа сводится к мотиву весенней новогодней птицы, причастной к Творению мироздания или, как в случае с Мир-сусне-хумом, его спасению от (весеннего – ?) потопа.

Продолжение такой повествовательной традиции, конвертированной в солнцеголовые изображения, видится в единственном подобном персонаже с признаками женского пола с Новоромановской писаницы. Стилистические черты фигуры аморфны, но гипертрофированные уши солнцеголовой героини обнаруживают параллели с солнцеголовыми «ушастыми» ликами на кижировских сосудах (см. по: [Панкратова, Плетнева, 2012, с. 177–179, рис. 3; 4; 6.-1]). Думается, что новоромановское изображение хронологически синхронно кижировским древностям и передает семантически схожий персонаж, на наш взгляд, напоминающий прообраз Калташ-эквы. Именно этому женскому божеству присуща солнцеголовость: «О том, что Калтащ связана с сакральным верхом, светом и сиянием, прямо свидетельствуют ее эпитеты... В фольклоре манси Калтащ сближается с утренней зарей» [Сагалаев, 1991, с. 54]. Характерная поза и половые признаки новоромановского изображения соотносятся с мотивом известной ссоры Нуши-Торума со своей супругой. Калташ-эква изменила мужу с Месяцем или с властителем преисподней Куль-отыром и была низвергнута за это на землю, а при падении родила седьмого сына – Мир-сусне-хума (см. например: [Топоров, 1981, с. 148; Головнев, 1995, с. 550; и др.]). Вероятно, этот драматичный эпизод и запечатлен на новоромановских скалах (рис. 20.-3). Не безынтересно, что жена верховного кетского божества Еся Хоседем также ушла от него,

став супругой Месяца, за что вместе со своими слугами была низринута Есем на землю [Анучин, 1914, с. 3]. Сходство дополняется одинаковым количеством сыновей, которых и у Хоседем, и у Калтащ-эквы насчитывается по семь. *Повторением фабулы этого ключевого эпизода удостоверяется архаичность самого мотива, возможно, восходящего кprotoугорской и протокетской новоромановской сцене* (рис. 20.-3).

Оригинальные «нимбы» в виде овала вокруг головы зафиксированы у трех антропоморфных изображений Томской писаницы (рис. 21.-4–5, 7). Это редкое выражение «солнцеголовости» образа, возможно, восходит к тувинским композициям из Бижиктиг-Хая, в которых женщины с подобным «нимбом» ведут быков (см. по: [Дэвлет, 1990, с. 99]). Данные петроглифы отнесены к младшей тувино-алтайской группе геометрической изобразительной традиции конца II – начала I тыс. до н.э. [Ковтун, 2001, с. 79–81, 138–139]. Схожие «нимбы» окружают и головы лучников на подогнутых ногах из Устю-Мозага [Дэвлет, 1990, с. 82]. Такие рисунки сопоставимы с изображениями грибовидных антропоморфов на присогнутых ногах, сочетающихся с быками младшей тувино-алтайской группы и датированных по сопутствующим им атрибутам временем не ранее конца или последними веками II тыс. до н.э. [Ковтун, 2013, с. 328–330]. Томские рисунки выглядят стилистически позднее, представляясь еще одной тувинской репликой в Нижнетомском очаге наскального искусства.

6. Сочетание стилей

Тутальская писаница не составляет стилистически единого и компактного комплекса. Протяженность ее изображений (кроме одного) по левобережной линии Томи достигает почти 800 м. Помимо петроглифов, выполненных в собственно «ангарском» стиле, здесь зафиксированы и диаметрально отличные разновидности его стилизации. Наиболее очевидные признаки подобных стилистических трансформаций сводятся к отмеченным *ростральным изображениям* с утонченными пропорциями (рис. 7; 15) и к *геометризованным рисункам*, также с характерным видоизменением исходной «ангарской» основы (рис. 8; 10–12; 14). Двадцать лет назад один из авторов отнес эти геометризованные «ангарские» изображения к особой томской стилистической группе [Ковтун, 1993, с. 47, и др.; Ковтун, 2001, с. 48–52]. Такие рисунки, иллюстрирующие поздний этап «ангарской» традиции, имеются и на Тутальской писанице (рис. 8; 10–12; 14).

Но, помимо подобных изображений, в тутальском комплексе зафиксированы и собственно геометрические зооморфные изображения. Они близки рисункам оглахтинско-томской и варчинской стилистических групп геометрической изобразительной традиции. Подобные петроглифы фигурируют в верхней левой части пятой и на седьмой плоскостях памятника (рис. 11; 13). Стилистически аналогичные петроглифы обнаружены среди рисунков Новоромановской и Томской писаниц, а также на Висящем

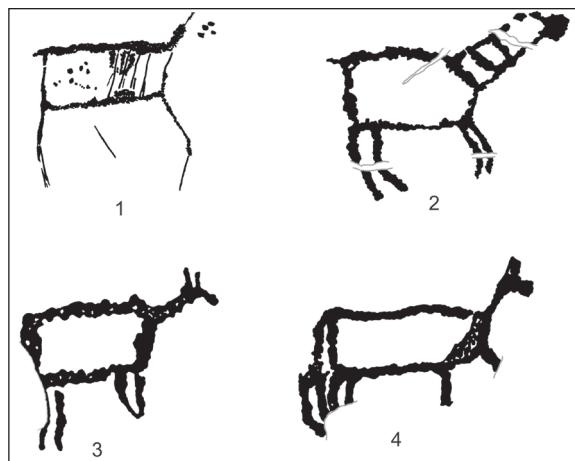

Рис. 23. Геометрический стиль.

Изображения оглахтинско-томской группы:
1–3 – Висящий Камень; 4 – Томская писаница

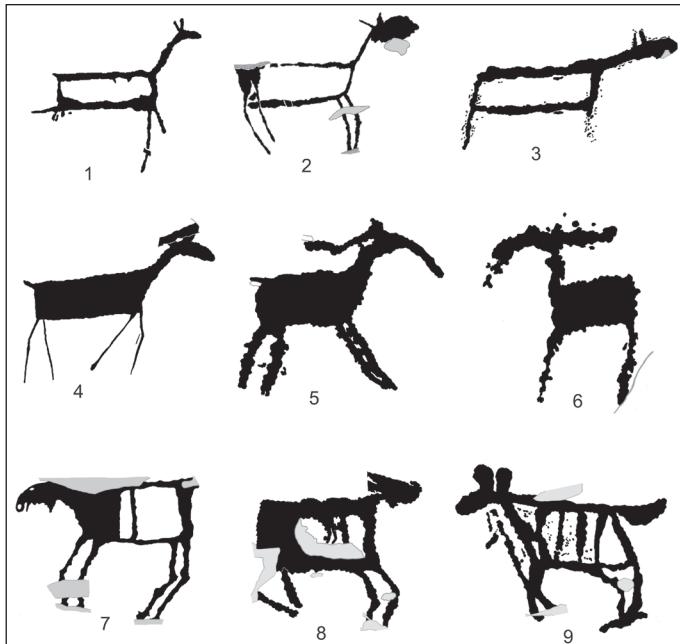

Рис. 24. Геометрический стиль. Изображения оглахтинско-томской группы: 1–9 – Новоромановская писаница

Ковтун, Русакова, 2008, с. 345, рис. 1.–5]). В Нижнетомском очаге наскального искусства еловских материалов не обнаружено, но судя по находкам с местонахождения Долгая-1, у Новоромановской писаницы геометризованные «ангарские» и собственно геометрические петроглифы соотносятся с ирменскими (позднеирменскими) древностями этого памятника.

Вероятно, с этим же культурно-хронологическим периодом связаны тутальские ростральные изображения (рис. 7; 15). Хотя источник их появления здесь не ясен, стилистика уникальна, а культурный облик авторов данных изображений пока неизвестен.

При этом симптоматичен фактор одновременности – единовременного появления диаметрально отличных выразительных приемов стилизации «ангарских» изображений и принципиально иных собственно геометрических рисунков. Подобное многообразие стилистической палитры присуще переходным эпохам, когда в рамках узкого хронологического горизонта, в нижнетомском ареале существуют тутальский ростральный, геометризованный «ангарский» и геометрические оглахтинско-томские и варчинские стилистические вариации.

Библиографический список

- АГКМ. ОФ 3116. Алтай. Караван перед выступлением в Кайтанак.
- АГКМ. ОФ 3117. Алтай. Алтайцы-проводники Читый и Сата (пункт неизвестен).
- АГКМ. ОФ 3119. Алтай. Ночлег в верховьях Чивчегема.

Абаев В.И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир: сб. ст., посвящ. проф. В.И. Авдиеву. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 26–37.

Айхенвальд А.Ю., Петрухин В.Я., Хелимский Е.А. К реконструкции мифологических представлений финно-угорских народов // Балто-славянские исследования. 1981. М.: Наука, 1982. С. 162–192.

Камне (рис. 23 и 24). Полагаем, их появление, как и стилизация «ангарских» изображений томской группы, является разными следствиями одного явления, – процесса проникновения носителей традиции геометрических изображений в Нижнее Притомье. Время таких рисунков связано с карасукской эпохой распространения на данной территории еловских и ирменских древностей. Так, например, на еловском сосуде из ЕК-II нанесены изображения парных протом стилистически подобных зооморфных персонажей (см. по: [Ковтун, 2001, с. 155, табл. 104.2;

- Алексеенко Е.А. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1976. С. 67–105.
- Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 235 с.
- Анучин В.И. Очерк шаманства у енисейских остыков // Сборник Музея антропологии и этнографии при Императорской академии наук. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1914. Т. II. 2. 90 с.
- Барроу Т. Санскрит. М.: Прогресс, 1976. 411 с.
- Бауло А.В. Лось // Миология манси. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. С. 81–82.
- Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. 2-е изд. доп. и испр. М.: Мысль, 1983. 206 с.
- Василевич Г.М. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. XVII. С. 151–185.
- Вильхельм Г. Древний народ хурриты: очерки истории и культуры. М.: Наука, 1992. 157 с.
- Галкина А.А. Николай Яковлевич Овчинников. Алтайский период жизни // Алтайский сборник. Барнаул: Алтай, 1997. Вып. XVIII. С. 147–156.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ празыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбил. гос. ун-та, 1984. 1328 с.
- Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.
- Гемуев И.Н. Мир-сусне-хум // Миология манси. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. С. 89–91.
- Гиндин Л.А. Некоторые ареальные характеристики хеттского, I // Этимология. 1970. М.: Наука, 1972. С. 272–321.
- Гиоргадзе Г.Г. А. Kammenhuber, Die Arier im Vordern Orient, Heidelberg, 1968, 295 // Вопросы древней истории. 1971. №1. С. 120–123.
- Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угрев. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
- Гондатти Н.Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири // Из VIII книги Трудов Этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете. М.: Типография Е.Г. Потапова, Старая Басманская, д. Мараевой, 1888. 91 с.
- Григоровский И.П. Предание нарымских инородцев о созвездии «Лось» // Томская губернская ведомости. Часть неофициальная. 5 августа 1882. № 31. С. 464–465.
- Дьяконов И.М. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа (к методике исследования исчезнувших языков) // Вопросы древней истории. 1970. №4. С. 39–63.
- Дэвлет М.А. Листы каменной книги Улуг-Хема. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1990. 120 с.
- Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М.: Наука, 1986. 235 с.
- Елизаренкова Т.Я. Аорист в «Ригведе». М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 152 с.
- Иванов Вяч. Вс. Астральные мифы // Мифы народов мира. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 1. С. 116–118.
- Иванов Вяч. Вс. Евразийские эпические мифологические мотивы // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 5: Миология и фольклор. М.: Знак, 2009. С. 49–78.
- Иванов Вяч. Вс. Хеттский язык. 2-е изд., испр. и доп. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 296 с.
- Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.
- Кейпер Ф.Б.Я. Небесная бадья // Кейпер Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии. М.: Наука, 1986. С. 156–162, 183–188.
- Ковтун И.В. Петроглифы Висящего Камня и хронология томских писаниц. Кемерово: Кузбасс-вузиздат, 1993. 140 с.
- Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. 184 с.
- Ковтун И.В. Сейминско-турбинские древности и индоарии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. №4 (19). С. 53–70.

- Ковтун И.В. Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово: Азия-Принт, 2013. 702 с.
- Ковтун И.В., Русакова И.Д. Новые исследования и ранее неизвестные петроглифы Тутальской писаницы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. Т. XI, ч. I. С. 352–354.
- Ковтун И.В., Русакова И.Д., Миклашевич Е.А. Обследование памятников наскального искусства Нижнего Притомья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. Т. XI, ч. I. С. 355–358.
- Ковтун И.В., Русакова И.Д. Ранний комплекс петроглифов Новоромановской писаницы // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 344–349.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Рос. ин-т культурологии РАН и МК РФ, 1994. 464 с.
- Мартынов А.И., Ломтева А.А. О хронологической и культурной принадлежности Новоромановских петроглифов // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово: Изд. КемГУ; Кем. полиграфком., 1993. С. 192–202.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси. М.: Наука, 1990. 568 с.
- Молданова Т.А. Орнитоморфная символика в фольклоре и верованиях хантов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. Вып. 4 (41). Сер.: Гуманитарные науки (история, археология, этнология). С. 95–97.
- Новикова Н.И. Об иранском влиянии в культуре обских угров // Советская этнография. 1991. №4. С. 29.
- Новоженов В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). Алматы: Аргументы и Факты Казахстан, 1994. 267 с.
- Овчинников Н. О «писаных» камнях в Томском уезде // Алтайский сборник. Барнаул: Издание Алтайского Под-Отдела Западно-Сибирского Отдела ИМПЕРАТОРСКАГО Русского Географического Общества. Типо-Литография Главного Управления Алтайского округа, 1910. С. 1–6, Таб. 1–6.
- Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: историко-археологическое исследование. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Ч. I и II. 412 с. (МИА №18).
- Окладников А.П., Мартынов А.И. Сокровища томских писаниц. Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М.: Искусство, 1972. 255 с.
- Ошаров М. Тунгусские сказки // Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Т. I: Труды по фольклору. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. С. 275–283.
- Памятная книжка Томской губернии на 1908 год. Томск: Издание Томской губернской типографии, 1908. 82 с.
- Памятная книжка Томской губернии на 1912 год. Томск: Издание Томского Губернского Статистического Комитета. Типография Губернского управления, 1912. 164 + 52 с.
- Панкратова Л.В., Плетнева Л.М. Архитектоника антропо-зооморфных изображений на керамике Кижировского городища // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. К 80-летию Светланы Вячеславовны Студзицкой и Михаила Федоровича Косарева. Томск: Аграф-Пресс, 2012. С. 166–187.
- Пежемский В.С. Две легенды ербогаченских эвенков // Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Т. I: Труды по фольклору. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. С. 272–275.
- Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М.: Астрель; Аст; Транзиткнига, 2005. 463 с.
- Полосьман Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск: Наука, 1991. 92 с.
- Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 году по поручению Императорского Русского Географического Общества членом-сотрудником онаго Г.Н. Потаниным. Вып. IV: Материалы этнографические, с 26-ю таблицами рисунков. СПб.: Типография В. Киршбаума, в д. М-ва Финансов, на Дворцовой площади, 1883. 1026 с.

- Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: АИИК «Северный дом» и Северо-Сибирское региональное кн. изд-во, 1993. 208 с.
- Русакова И.Д., Баринова Е.С. Новые петроглифы на Томи // Наскальное искусство Азии. Кемерово: Кузбассиздат, 1997. Вып. 2. С. 64–77.
- Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. 2-е изд-е. М.: Наука, 1994. 608 с.
- Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология: символ и архетип. Новосибирск: Наука, 1991. 155 с.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977. 82 с.
- Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул: Азбука, 2010. 288 с.
- Топоров В.Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии (1–2) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1981. С. 146–162.
- Топоров В.Н. Лось // Миры народов мира. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 2. С. 69–70.
- Топоров В.Н. Митра // Миры народов мира. М.: Российская энциклопедия, 1994а. Т. 2. С. 154–157.
- Хелимский Е.А. Южные соседи финно-угров: иранцы или исчезнувшая ветвь ариев («арии-андроновцы»)? // Компаративистика, уралистика: лекции и статьи. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 502–510.
- Чайлд Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации. М.: Центрполиграф, 2009. 269 с.
- Чаттерджи С.К. Введение в индоарийское языкознание. Восемь лекций, прочитанных в 1940 г. в Гуджаратском обществе родного языка (Ахмадабад). М.: Наука, 1977. 256 с.
- Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // САИ. М.: Наука, 1971. В4-12 (2). Ч. 2. 120 с.: илл.
- Широкогоров С.М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов // Ученые записки историко-филологического факультета в г. Владивостоке. Владивосток: Типография Областной земской управы, 1919. Т. I. С. 47–108.
- Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. Киев: София, 2000. 480 с.
- Эрман В.Г. Очерк истории ведийской литературы. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1980. 231 с.
- Bryant E. The Quest for the Origins of Vedic Culture. The Indo-Aryan Migration Debate. Oxford: University Press, 2001. 387 p.
- Lamberg-Karlovsky C.C. Archaeology and Language. The Indo-Iranians // Current Anthropology. February 2002. Vol. 43, N. 1. P. 63–88.

I.V. Kovtun, I.D. Rusakova TUTALSKAYA PISANITSA

The Tutalskaya petroglyph site (*pisanitsa*) rounds out the series of the Low Tom region petroglyph sites spread over 47 km from the Pisanaya village to the Polomoshnoye village of the Yashkino district, the Kemerovo region. The research workers did thorough research of the site in 1906, 1967 and 2005. A number of petroglyphs were also found in the period of 1991–1993. The specific stylistic configurations of the elk representations are the unique characteristics of the site. Narrow croups, elongated, fine necks and porrect gracile, and often «beak shaped» heads of the Tutalskaya elks were meaningful. They can be associated with «flying» deer from the deer stones of the Mongol-Zabaykalsky type being either the prototype of this stylistic canon or its Low Tom replica. A number of the elk representations can be dated due to their specific ornamentation of the body which also verifies the meaning of these compositions according to the ethnographic parallels connected with a special rite of the animal initiation and, in this case, replacing its representation. Special attention is given to the sun headed characters. Their combination with the elk figures is interpreted as symbolization of mythic calendar cycles related to the Mitra cults and their proto-Ugric analogues.

Keywords: Tutalskaya pisanitsa, the Low Tom region, initiated elks, sunheaded characters, rostral style, geometric style.